

Сознание, как море, не может молчать,
Стремиться сдержаться, не может сдержаться,
Все рвется на все и всему отвечать,
Всему удивляться, на все раздражаться.
/ Георгий Иванов /

Из информации представителя пресс-службы Следственного Комитета РФ по ... области:

«Сегодня, второго ноября две тысячи одиннадцатого года, в четыре часа пятьдесят пять минут в дежурную часть №... Октябрьского района поступило сообщение от гражданина Крыжовникова И.В., который на улице Мечникова возле дома номер двадцать пять обнаружил труп женщины. На место преступления сразу выехала следственно-оперативная группа в составе старшего следователя майора юстиции Мигунова Т.О., оперуполномоченного УР капитана полиции Ряженко А.Л., участкового уполномоченного полиции старшего лейтенанта Кречетова В.И., эксперта-криминалиста Кучкина М.Д. и судебного медика Битковой В.И.

Прибыв на место, сотрудники полиции обнаружили на дне котлована труп женщины с телесными повреждениями в области головы и шеи. Личность женщины установлена. По подозрению в совершении преступления в соответствии со ст.91 УПК РФ задержан гражданин Вялый Т.Б.»

За день до описываемых событий.

- Сколько можно терпеть этот грохот! – возмущалась женщина, сотрясая над головой деревянной скалкой. – На дворе второе ноября, а коммунальщики затеяли трубы менять! – Ее вопли разносились по всей улице и привлекали внимание любопытных. Пенсионерка спиной почувствовала поддержку и заверещала еще громче, срываясь на визг. – Ладно бы работали от зари до зари, а то придут, включают технику и сидят на присядках вокруг котлована... Ну, чего сидеть и глазеть?! Быстро сделали, закопали и ушли! Надоело это издевательство: в квартире холоднее, чем на улице. Захочешь посидеть на скамейке у дома, так невозможно расслышать собеседника за этим рычанием. У меня уже неделю голова болит! – В подтверждении сказанного она приложилась к нелепому берету растопыренными пальцами–сардельками, зажав под мышкой орудие для раскатывания теста.

- Женщина, Вы нам мешаете работать! – нахмурился мужчина в более чистой спецовке, чем остальные работники коммунальной службы, по всей видимости, начальник.

- Работать?! – взвилась она. - Если бы вы...

- Хватит! – рявкнул он. – Каждый день одно и то же! Никому наша техника не мешает, одной Вам. – Мужчина обвел взглядом сгрудившуюся группу пенсионеров, не поддерживающую ни одну из сторон. Им тоже докучал работающий экскаватор и подъезжающие то и дело самосвалы, но сидеть без горячей воды и отопления им надоело еще больше. Они были готовы терпеть грохот круглосуточно, лишь бы работа завершилась в кратчайшие сроки.

От компании отделилась одна пожилая женщина с котом на руках и подошла к ораторше.

- Авдотья, сворачивай революцию, - спокойно высказалась она и потянула ту за рукав старомодного клетчатого полупальто, из-под которого выглядывал цветастый байковый халат.

- Отстань! – не оборачиваясь к усмирительнице, заявила Дуня и воинственно потрясла скалкой, высматривая объект для нападения.

Работники коммунальных служб отличались терпением, грозным видом и развитой мускулатурой, которую не могла скрыть свободная спецодежда.

Авдотья Кулебякина не желала оставлять поле без боя, но не хотела получить решительный отпор от людей, позабывших о приличных манерах в связи с ее постоянными домогательствами, достигшими точки перелива.

В этот момент внезапно смолк работающий экскаватор, и повисла гнетущая тишина. Гражданка с расшатанной нервной системой только сейчас поняла, что находится между двумя лагерями: лагерем противников и лагерем наблюдателей, которые не собирались вступаться на честь женщины, если они – и честь и дама – будут физически поруганы и втоптаны в грязь в прямом и в переносном смыслах этого слова. Зачинщица наступающего, как смерч, мордобоя, опустила глаза и поняла, что увязла тоже во всех смыслах. Отступать нельзя, иначе не отмоешься от насмешек соседей – недругов, которые спят и видят, что найдется человек, усмиривший скандалистку районного масштаба, что грозит последней потерей авторитета. Авдотья Прохоровна подняла одну ногу, обутую в мужской полусапожек коричневого цвета, оценила приукрас в виде вязкой жижи, и недовольно покачала головой, словно это была одна из причин нападения.

- Кто объявил перекур? – спросил молодой мужчина, вылезая из кабины экскаватора и удивленно оглядывая напряженно-притихшую толпу.

Опушенная рука со скалкой снова поднялась. Дунька сразу смекнула, с кем из схватки она выйдет победительницей, и двинулась к человеку, который стал причиной ее недомоганий в последнее время.

Тарас Вялый не соответствовал своей фамилии: был шустрым, энергичным, но обидчивым и ранимым. Особенно он обижался, когда затрагивалась его несуразная внешность и скелетообразная фигура. Он мгновенно закрывался и делал вид, что шутник перестал для него существовать. Но в душе он мучился, мысленно подбирал слова, способные отрезвить обидчика и одновременно уложить на лопатки. Ни разу Тарас не вышел победителем, ни разу не отомстил за себя...

Сейчас на него шла баба гренадерского вида со скалкой в руке. Вялый забыл про собственную шустрость и умение быстро бегать на длинные дистанции в день физкультурника, и замер с открытым ртом. Его сотоварищи не думали, что дело дойдет до рукоприкладства, и поэтому не призывали включить скорость, а группа наблюдателей, знавшая Дуньку не первый год, надеялась, что та выберет для поединка соперника соответствующей ей комплекции, а не низкорослого парнишку с лицом старичка, поэтому тоже молчала. Кулебякина со всего маху опустила скалку на оранжевую каску Тараса, от чего по округе разнесся звон, приведший к расфокусированию зрения и легкому пошатыванию пострадавшего.

Дама с котом решила урезонить агрессоршу, но та вошла в раж и снова огрела экскаваторщика своеобразной дубинкой для домашнего пользования. Теперь удар пришелся по плечу, и Вялый взвыл о боли и обиды. На глаза навернулись слезы, губы задрожали, а взгляд метнулся к руке, занесенной для третьего удара. Тарас зажмурился и сжался, словно это могло его спасти от морального падения и физического увечья.

- Гражданка, прекратите немедленно!

Вялый открыл глаза и увидел своего начальника – прораба Петра Алексеевича Соломкина, который пытался вырвать скалку из рук гренадера в женском облики. К нему подключился пришедший в себя Васька Дутов, потом Петр Липовецкий, а затем все ребята. Они стали оттеснять Кулебякину от Тараса, непонимающе хлопающего глазами и потирающего ушибленное плечо.

Когда Авдотья Прохоровна вернулась на свои позиции, а между ней и персоной для битья встала шеренга из крепких ребят, та самая персона свела брови на переносице,

подняла вверх кулачки, больше похожие на картофелины в неурожайный засушливый год, и писклявым голосом заявила.

- Я тебе отомщу, старая горилла!

- Это почему это я старая! – возмутилась Кулебякина, уперев руки в складки жира, под которым много лет назад укрылась талия, и так и не вернулась.

- Старая... - захлебнулся Тарас, позабыв другие определения для физически крепкой пенсионерки, перешедшей в отряд крупных приматов. – Старая, - повторил он, заикнувшись на этом слове, подумал и добавил проверенное: Горилла! – И похлопал себя по пострадавшей в бою голове, раскорячившись и перебирая ногами, повторяя действия основоположников человеческого рода.

- Да я тебе! – Авдотья кинулась на Тараса, не закончив обещания, и ударилась телом о воздвигнутую живую шеренгу, которая под ее напором сначала вогнулась, потом пружинно выгнулась, не желая сдавать отвоеванных позиций.

Вялый почувствовал свою защищенность, закрутился на месте, изображая некий ритуальный танец вожака приматов, приговаривая: Старая, старая горилла...О-о-о... Тарас складывал губы в трубочку и совершал дергающиеся вперед-назад движения головой, а звук «о» произносил при выдыхании, отчего все происходящее походило на движение глухонемого, выучившего всего два слова и тронувшегося умом, не совладавшим с нелегкой наукой.

- Ах, так, - напряглась Кулебякина, искала глазами любимую скалку, утерянную в потасовке, не нашла и вспомнила про свой язык, прозванный недоброжелателями острым, как пчелиное жало. – А ты... А ты... - она запыхалась от волнения, стянула с распаренной головы свой красочный берет, обмахнулась им и спокойно выдала, - а ты маленькая страшенькая макака! – Сразу развернулась и ушла, отключившись от проклятий в свой адрес.

Над улицей Мечникова, у дома двадцать пять, еще несколько минут летала фраза с обещаниями «убить и не пожалеть», которая сначала не отложилась в мозгах свидетелей скудной словесной перепалки и непродолжительной физической потасовки, но после всплыла, когда поутру местный житель Крыжовников Иван Владимирович обнаружил на дне котлована тело Авдотьи Прохоровны Кулебякиной. Иван не был свидетелем общения убитой и водителя экскаватора Тараса Вялого, но был наслышан от своей матери, наблюдательницы от партии жильцов. Поэтому сразу указал на человека, грозившего Дуньке скорой расправой...

Третье ноября, первый день следствия

- Знаю я эту Кулебякину, - доложил участковый Кречетов майору Мигунову. – У самого не раз руки чесались, что бы ее удавить. – Он сжал руки в кулаки. – Как таких людей земля носит! Хотя бы раз хорошее слово сказала о человеке, кляузы на всех строчила, со всеми ругалась. Ко мне в кабинет ходила, как на работу.

- Так это ты, старлей, ее задушил? – грустно пошутил Мигунов, до этого выслушавший судебного медика, давшего предварительное заключение.

- Смерть наступила не менее восьми часов назад. Сначала пострадавшую оглушили, а после задушили, о чем свидетельствуют гематомы на шее.

- Таковую не оглушишь, не удавишь, - встрял в разговор Крыжовников, чувствующий себя главным человеком.

- Это вы к чему? – поинтересовался майор, любивший цепляться к любой оброненной фразе.

- К тому, что у Кулебякиной силища... была, как у белого медведя...

- Хм, - не выдержал весельчак Ряженко за спиной Мигунова. Тот обернулся, недовольно поморщился и отправил капитана и балагура в одном крепком теле и симпатичном облики на поквартирный обход.

- Не верю, что этот парень убил Кулебякину, - сказал Александр Ряженко, когда задержанного увели после допроса. Капитан разложил пакетики с чаем по чашкам и разлил кипяток, одну отнес на стол Мигунова, а с другой сел на свое место.

- Верю, не верю, - задумчиво произнес майор, потирая лоб. – Ты, Саша, не в ромашку играешь, а работаешь в следственном отделе и должен оперировать фактами, а все факты говорят обратное: Вялый угрожал Кулебякиной при свидетелях, алиби на время убийства у него нет.

- Он утверждает, что был дома. Дескать, вернулся около семи усталый и промерзший, пожарил картошки, и долго ужинал, сидя перед телевизором. Может, принял пару рюмок согревающего под такую закуску, приложив соленький хрустящий огурчик, - с блаженствующим видом высказался капитан, словно был вчера в компании Тараса. – Сейчас бы картошечки на сале! – размечтался он и закатил глаза. – А, Тимофей? Хочешь, картошечки?

- Я всего хочу и много! – пробурчал крупногабаритный мужчина, сжимая огромную чашку с чаем.

- Вот черт, совсем забыл, мне мать пирожков сунула перед выходом! – он выдвинул ящик стола и достал сверток.

- Мерзавец, ты Сашка! Никакого почтения к начальству! – с доброжелательной улыбкой засвидетельствовал майор. – Небось, сам хотел слопать, когда я выйду. – Он вытащил из протянутого Ряженко свертка два пирожка и сразу надкусил, не забыв прикрывать глаза от удовольствия. – Люблю с зеленым луком и с яйцами.

- Тебе сейчас, хоть, с дустом дай, все одно проглотишь и не отравишься.

- Низзя завидовать чужому аппетиту, - прожевав, заявил разомлевший Мигунов. – Вы, товарищ капитан, не отвлекайтесь, докладывайте о проведенном опросе граждан.

- Так всегда, - пробубнил Ряженко, но как-то подобрался и стал рассказывать, зная, что майор допускает панибратство вне службы и во время коротких перерывов. – На лестничной клетке, где проживала Кулебякина, расположены еще две квартиры: в одной проживает Иван Крыжовников с матерью, а в другой – одинокая пенсионерка Нина Иннокентьевна Слепцова с красавцем котом по кличке Бантик. Я сосредоточился на них и на квартире, расположенной на втором этаже, над квартирой потерпевшей. Время было еще детское, и они могли слышать шум. Но никто ничего не слышал. Крыжовниковы легли рано, Ивану в половине шестого утра надо выезжать в рейс, а у Слепцовой телевизор громко работал, она сериал про Каменскую смотрела, ей не до Кулебякиной.

- Подожди, Саша, эксперт еще не установил, что кровь на деревянном молотке, которым хозяйка отбивала свинину перед смертью, принадлежит ей. Следов борьбы в квартире нет, убийца мог поджидать женщину на улице, ударил по голове тяжелым предметом, Кулебякина потеряла сознание, а он ее спокойно задушил, обыскал карманы, нашел ключи, скинул тело в котлован и отправился на квартиру убитой.

- Но что он мог там искать? - задумался Ряженко. – Все верх дном перевернуто...

- Если преступником был Тарас Вялый, то не думаю, что Авдотья Прохоровна стала приглашать его в дом, тем более идти на улицу, чтобы выяснить отношения до конца. Не потому, что она боялась темноты или щуплого Тараса Вялого, с которым у нее были разные весовые категории. Она, как все нервические особы, уже поостыла, а как все любители поесть на ночь, настроилась на парочку отбивных, которые отбила молоточком, да не успела поджарить. – Мигунов подошел к чайнику, стоящему на небольшой тумбочке, и налил себе еще одну чашку чая.

- Вялый мог нагрнуть к ней без приглашения.
- Причем не один, а с подельником, - добавил майор, тщательно размешивая в чашке две ложки сахара. – Один бы он тело не вынес... Это при условии, что убийство произошло в квартире.
- А зачем Тарасу выносить тело и сбрасывать в котлован? Это сразу наведет на мысль, что убийца он.
- Думаешь, кто-то долго ждал дня расправы над Кулебякиной? И вдруг ему выпадает счастливый билет в виде экскаваторщика Вялого, заявившего во всеуслышание, что он поквитается с обидчицей.
- Тимофей Олегович, ты считаешь, что искать преступника надо среди присутствующих при скандале? – набычился Ряженко, ожидая, что майор пошлет его на улицу Мечникова двадцать пять, где он будет выяснять, кто находился у котлована во время скандала.
- У нас новости разносятся со скоростью лесного пожара в период августовской засухи, тем более, когда дело касается такой эксцентричной особы, как Авдотья Прохоровна. О ее стычках слагают легенды, а ее высказывания цитируют на скамейке, как утверждал Иван Крыжовников.
- Это надо как настроить против себя соседей, что подозревать в убийстве можно всех жителей дома плюс работников коммунальной службы, которым Кулебякина мозг проела.
- Плюс продавцы близлежащих магазинов, которые посещала женщина, дядя Митя, сидящий в будке с вывеской ремонт обуви, дворник и так далее. – Мигунов тяжело вздохнул и взглянул на часы. – Однако, пора на покой...
- Постой, Олегович! Еще одно слово в защиту Вялого...
- Завтра, Саша, все завтра, голова уже не работает...
- Дай вместить в твою голову одну фразу, - не отставал капитан, - она засядет, перевариться и...
- И будет каша, - зевнул Мигунов, но заметив встревоженное лицо подчиненного, великодушно разрешил, - ладно, валяй, адвокат!
- Я подумал, если человек мстит обидчику, но он не станет проводить обыск в его доме. У него другая цель! Так?
- Так, - согласился майор, вылезая из-за стола. – Не считай себя умнее начальства. Это раз. Не думай, что начальство пытается закрыть дело и навесить убийство на невиновного. Это два. А три... Завтра будем прорабатывать новые версии. Но это будет завтра!..

Александр Ряженко открыл дверь своим ключом и осторожно прикрыл ее за собой, стараясь не разбудить мать, которая тут же выросла на пороге своей комнаты.

- Сынок, ты смотрел на часы? – недовольным тоном поинтересовалась она, будто перед ней стоял подросток, заявившийся домой на рассвете не в подобающем для его возраста виде.
- Извини, мам, заболтались с Олеговичем. Иди спать, я сам поужинаю.
- Он сам поужинает! – недовольно затараторила женщина, делая строгое лицо, хотя, на самом деле была добродушной и понимающей. – Когда ты, наконец, женишься, холостяк – трудоголик?!
- Да, я немолод, мне тридцать два года...
- Неприлично напоминать мне о моем возрасте, - насупилась Ольга Константиновна и приложила кулачок ко лбу сына. – Быстро мой руки, и за стол!
- Слушаюсь, моя дорогая родительница! – отчеканил Сашка и стукнул пятками друг о друга.
- У вас опять убийство в районе? - начала любопытная мать, выкладывая на тарелку плов. – По телевизору сказали, нашли женщину в котловане.

- Нашли, - подтвердил немногословный сын.
Ольга Константиновна закидала его вопросами, но не получила ни одного вразумительного ответа и сдалась, перейдя на свои новости прошедшего дня.
- Представляешь, ко мне сегодня приходила Элла. Помнишь, я тебе о ней рассказывала? – женщина увидела непонимающее лицо сына и пояснила. – Моя подруга по пединституту, Элла Бацман. – медленно выговорила она, словно таким внушительным сказанием могла помочь сыну вспомнить. – Она еще в Израиль уехала, не окончив учебу. Там замуж вышла, родила двоих детей. Мы с Эллочкой все годы переписывались, - с гордостью заявила она.
- А зачем приехала? У нее кто-то остался в России? – спросил сын для вида, ему не было никакого дела до приятельницы матери.
- Родных никого. Хотела с одним старым знакомым увидеться, а он умер два года назад.
- Старая любовь не ржавеет, - заключил Сашка, отодвигая пустую тарелку и подвигая чашку с какао и вазочку с печеньем.
- Тоже мне, знаток любви, - передернула плечами мать и снова села на любимого конька. – Вокруг столько девушек, а у тебя все мысли о работе. Как будешь жить, когда я... когда меня не станет.
- У тебя что-то болит? – испугался Ряженко, чуть не подавившись печеньем. – Ты что-то скрываешь от меня?
- Не забывай о моем возрасте, - напомнила она.
- Ты сама забудь о нем и не бери всякие глупости в голову. Не иначе наслушалась страшных историй про неизлечимые болезни. Это тебе Элла настроение испортила?
- Эллочка очень больна. Ей от силы осталось месяца три. Онкология никого не щадит, ни молодых, ни пожилых.
- Врачи могут ошибаться, - неуверенно произнес Александр.
- Только не израильские, - вяло отозвалась женщина. – У них знаешь, какая медицина, все знаменитости к ним ездят на лечение.
- Слышал...
- Вот Эллочка и приехала проститься со старыми знакомыми. – грустным голосом сказала Ольга Константиновна и сильнее закуталась в шаль. – Не так много нас в живых осталось.
- Мам, ты говоришь таким упадническим тоном, будто тебе сто лет, ты перестала передвигаться на своих двоих и смиренно ждешь конца! – возмутился сын пессимистическим настроением матери. – Что за возраст шестьдесят лет?! Ты еще замуж можешь выйти... Если захочешь...
- Не захочу? После твоего отца я никого не захочу видеть рядом с собой... Возьми, Элли... - она мечтательно закатила глаза. – Она всю жизнь любила одного мужчину.
- Мужа?
- Не-е-т, - недовольно скривилась женщина, словно супруг ее подруги был неподходящим объектом для любви. – Хотя, человек, засевший в ее память, был недостоин ее любви!
- Недостойных любит нельзя, их надо презирать, - констатировал заплетающимся языком усталый Сашка.
- Сердцу не прикажешь, - посоветовала Ольга Константиновна, собирая посуду со стола.
Ряженко хотел поразмышлять о сегодняшнем убийстве, но едва голова коснулась подушки, он мгновенно отключился.

Четвертое ноября, второй день следствия

С утра в следственный отдел пришел прораб Соломкин с характеристикой на Тараса Вялого и заготовленной адвокатской речью. Он перечислил заслуги подопечного ему работника, рассказал, что знает его с рождения, так как он является сыном его старого

друга, недавно ушедшего из жизни. Приятель Соломкина один воспитывал Тараса, мать которого умерла, когда мальчику не исполнилось трех лет.

- Какое это имеет отношение к делу? – спросил Мигунов, расхаживая за спиной Петра Алексеевича и перекидываясь взглядами с Ряженко, отрываящегося время от времени от протокола.

- Тарас не мог убить человека! – заверил прораб. – Он вырос на моих руках, он ровесник моей дочери Маши. – Мужчина вытянул руки вверх ладонями, словно упомянутый парень продолжал там нежиться.

- Это все слова. – безучастно высказался майор, в неудовольствии замечая, как быстро бежит время.

Соломкин сник, но уходить не спешил, несмотря на то, что капитан придвинул к нему протокол и указал место, где надо расписаться, предварительно прочитав написанное. Петр Алексеевич скользил взглядом по исписанным убористым почерком листам, размышляя, как помочь Тарасу.

- А в какое время произошло убийство? – наконец, выдал он из себя, откладывая листы в сторону.

- Хотите создать обвиняемому алиби? – осведомился Мигунов, уставший от пустопорожней болтовни.

- Но все же...

- Убийство гражданки Кулебякиной произошло от двадцати тридцати до двадцати одного тридцати. – сообщил майор.

- Моя Маша звонила Тарасу, у нее что-то с компьютером случилось, вирус какой-то подхватила, - осторожно выговорил он слово, которое привык употреблять в другом контексте.

- А экскаваторщик Вялый одновременно является классным программистом, - с иронией произнес Тимофей Олегович.

- Между прочим, у Тараски диплом учителя математики, - с вызовом заявил прораб. – Но какой из него учитель, ростом с шестиклассника. И зарплата с гулькин нос, на такую не проживешь. Вот я и пристроил его в нашу бригаду, он курсы закончил, получил удостоверение.

- Петр Алексеевич, давайте вернемся к звонку Вашей дочери.

- Маша позвонила ему около девяти...

- На мобильный? - встрял Ряженко.

- Если бы она позвонила на мобильный, я бы и рассказывать не стал, - выпалил прораб, не чувствуя подвоха. – Маша позвонила на домашний номер, Тарас почти сразу взял трубку... Честно признаться, я сам ее попросил найти причину для звонка. Со своим вирусом она сама разберется, не девка, а парень в юбке, - с удовольствием сказал он и расплылся в улыбке, вспомнив про дочь с мужскими мозгами.

- Зачем вы попросили Марию позвонить Вялому? – спросил майор.

- Я знал, что он мучается, переживает после инцидента с этой... скандальной особой. Переваривает все, пытается подобрать слова, которые в пылу перебранки позабыл. В общем, изводит себя... Мне жаль его стало, но самому звонить было нельзя. Он сразу бы догадался, что я хочу его пожалеть... А так, позвонила Машка, отвлекла его от внутренней борьбы с самим собой. Они сначала про компьютер разговаривали, потом на жизнь перешли. Дочь спрашивала его о работе, нравится ли ему, рассказала о фильме, который недавно смотрела и предлагала составить Тарасу компанию, если он не против, так эта французская комедия ей понравилась. Вы спросите, почему я вчера не пришел, так я отвечу... Совсем из головы вылетело. Когда мальчика арестовали, меня, как обухом огрели...

- Мы все проверим, - пообещал Мигунов, а Соломкин подписал протокол и покинул кабинет.

- Я готов! – отрапортовал капитан, предупреждая приказ начальства. – Сейчас отзвонюсь на телефонную станцию!

- Подтверждение должно быть документальным! – напомнил майор.

- Так я поехал?

- Действуй!..

Через час Ряженко протянул Мигунову документальное свидетельство того, что абонент Вялый, проживающий по адресу..., тридцать две минуты разговаривал с абонентом, звонившим ему с номера..., который зарегистрирован на Соломкина Петра Алексеевича, проживающего по адресу... Оба адресата жили в разных микрорайонах и достаточно далеко от убийства Кулебякиной. Вялый проживал один, поэтому кроме него к телефону никто подойти не мог. Если он не устроил себе алиби, сговорившись с соседкой и Марией Соломкиной.

- Что-то не так, Олегович? – поинтересовался Ряженко, заметив недовольное лицо начальника.

- Поезжай, Саша, по адресу, где живет подозреваемый и поспрашивай соседей. Может, Вялый вечером мусорное ведро выносил или дворовых собак кормил, и его кто-то видел.

- Значит, одного доказательства мало?

- Почему сам Вялый не вспомнил о звонке дочери Соломкина?

- Так надо у него спросить? – сразу нашел ответ капитан. – Может, тоже из головы вылетело.

- Когда решается твоя судьба, мозги начинают работать, как арифмометр, - решительно заявил майор и уткнулся в заключение судебного медика, который подтвердил, что кровь на молотке принадлежит Кулебякиной, а смерть женщины наступила в результате сдавливания шеи руками, вызвавшего удушье.

Тарас Вялый жил в панельном девятиэтажном доме на четвертом этаже. Александр поднялся на лифте, огляделся, проверил опечатанную после вчерашнего обыска дверь и нажал кнопку звонка ближайшей соседки, которая вчера отсутствовала по причине дежурства у постели прооперированного мужа, о чем доложили всезнающие граждане. Дверь долго не открывали, капитан хотел ретироваться, когда на пороге появилась заспанная женщина в махровом канареечном халате.

- Капитан Ряженко, - доложил он и протянул удостоверение в раскрытом виде.

- Вы по поводу Тараса, - догадалась женщина, проигнорировав документ.

- Можно зайти?

- Конечно, проходите, только у меня не прибрано. Две ночи дома не была. Мужу аппендицит удалили, так я в больнице сидела... Сегодня, из реанимации в обычную палату перевели, - с усталой улыбкой сказала она. - Вы присаживайтесь, - пригласила она, указывая на стул. – Хотите кофе или чаю? – женщина заметила замешательство на лице молодого человека и попросила, - составьте мне компанию! - И Сашка удовлетворенно кивнул.

Галина Аркадьевна Сосновская, как представилась соседка Вялого, оказалась словоохотливой и приятной в общении женщиной.

- Мы в этом доме живем давно, почти двадцать пять лет. Когда вселились, мне было двенадцать, а Тарасику два года. Хороший был мальчишка, спокойный, не капризный. Через год умерла его мать, отец устроил сына в детский сад. Сам отводил, а я забирала, чтобы мальчишке одному не сидеть в группе до семи часов. Я приводила Тараса к себе, кормила, потом давала ему карандаши и забывала о его существовании, таким он был самодостаточным. – с нежностью и гордостью сказала Сосновская, будто говорила о

собственном ребенке. - Когда Тарас болел, а болел он часто, потому и вырос таким хлипким, отец брал больничный и ухаживал за сыном. Они были очень привязаны друг к другу. Смерть дяди Богдана была для Тарасика страшным ударом. Он еще больше закрылся в себе. Мы стараемся растормошить его, приглашаем на дачу, он любит копаться в земле, что-то мастерить. Он, вообще, трудолюбивый, причем все делает быстро и слаженно. Я люблюсь его работой и смеюсь, что фамилию он свою не оправдывает – надо было Шустрым в паспорте записать. – На просветлевшем лице соседки залегла тень тревоги. - Я не верю, что наш Тарас пошел на преступление.

- Тогда помогите ему, - предложил капитан Ряженко. – Вспомните тот вечер, когда у Вашего мужа случился приступ аппендицита. Может, слышали, как Вялый... мебель передвигает, или молотком в стену колотит.

- Я пришла с работы в начале седьмого, а Витя, мой муж, лежит на диване и за живот держится. – начала она восстанавливать события того рокового вечера. - Говорит, не волнуйся, Галя, это я в заводской столовке отравился. Уже выпил марганцовки, скоро все пройдет. А сам навесил такую жалкую улыбку, что плакать хочется. А ему термометр под мышку сунула, смотрю- тридцать восемь и две... Предложила неотложку вызвать, а Витя отнекивается и утверждает, что ему уже легче. Почти два часа я над ним просидела, подсовывая то чай, то таблетки, потом не выдержала и пошла к Тарасу посоветоваться.

- Насколько я знаю, у него педагогическое образование, а никак не медицинское, – напомнил Александр.

- Он всестороннее развитая личность! – вспыхнула Галя, словно капитан нанес удар по самолюбию любимого соседа.

- Который был час?

- Начало девятого, - задумчиво проговорила женщина. – Витька еще телевизор включил, думал отвлечься. Так как раз новости шли на канале «Россия».

- И какое Вялый выдал заключение? – без иронии поинтересовался Ряженко, забыв пересчитать в уме способности экскаваторщика с Высшим гуманитарным образованием.

- Тарас уложил Виктора на спину, пощупал живот, резко надавил с левой стороны и спросил, отдается ли боль справа? Муж сказал, что очень сильно, будто там, внутри, что-то приподнялось и снова опустилось. – Это аппендикс! – сказал сосед. – Срочно вызывайте скорую помощь, пока отросток не лопнул и не случился перитонит. Можно сказать, что Тарас спас Виктора...

- После этого Ваш сосед ушел к себе?

- Нет, он сам вызвал неотложку, и пока она не приехала, находился рядом со мной и Виктором. Врачи подтвердили диагноз Тараса, я собрала кое-какие вещи, и мы поехали. Он хотел проводить нас до машины скорой помощи, но в момент, когда я закрывала дверь, у него в квартире зазвонил телефон. Вялый пожелала нам удачи, а сам пошел домой. Было уже около девяти вечера...

Это звонила Маша Соломкина, которая хотела стать массовиком–затейником для понурого приятеля, - подумал Ряженко, а вслух спросил:

- Галя Аркадьевна, вот Вы утверждаете, что хорошо знаете своего соседа, тогда ответьте на один вопрос – почему Вялый скрыл от следствия, что на время убийства у него есть алиби?

Сосновская задумалась, провела рукой по столу, словно смахивала невидимые крошки, перевела взгляд за окно, где плотной стеной завис туман, тягучий, серый, влажный, затем грустно хмыкнула и сказала.

- Думаю, Тарас принял проступок за поступок. Он привык тушеваться, не отвечать на нападки и быть объектом для колкостей. – женщина подняла на Александра свои усталые глаза, - может, захотел стать героем, пусть и отрицательным.

- Странная позиция, - поморщился капитан, - за такое геройство можно схлопотать немалый срок.
- Он мальчишка еще совсем. Привык играть в виртуальные игры, вот и напридумывал...

В это самое время майор Мигунов приехал на квартиру дочери Кулебякиной – Анне Петровне, по мужу Сиротиной, женщине, которая была абсолютной противоположностью матери, и все прилагательные к ней были с приставкой «не»: нетолстая, нешумная, неболтливая, ненапористая, небойкая, о чем сразу догадался Тимофей Олегович. Еще можно добавить аморфная на высшей грани безразличия, как крокодил, замерший на берегу с открытой пастью. Неужели женщина, подошедшая к сорокалетнему жизненному рубежу, можно жить без мечты, без желаний, а плыть по течению и ждать, когда ее затянет в воронку? - подумал майор, обескураженный тусклым взглядом и неухоженным внешним видом женщины, что единственное роднило ее с матерью. На Анне были спортивные брюки с вытянутыми коленками и застиранная футболка с некогда красной розой на всю грудь, а на ногах стоптанные тапки. Еще более отталкивающее впечатление создавала растрепанная прическа на голове, где сквозь неровный пробор отчетливо просматривалась седина в три пальца, явно требующая посещения салона красоты или на худой момент собственного участия. И смерть матери не была причиной такого внешнего вида, было понятно, что так Сиротина ходит регулярно.

Разговор будет безрезультатным, - подумал преждевременно Тимофей Олегович и оказался прав. Получился диалог, засунутый в рамки бессмыслицы.

- Какой Авдотья Прохоровна была матерью?
- Нормальной.
- А враги у нее были?
- Как у всех.
- Что могли искать в квартире Вашей матери?
- А я откуда знаю?

Мигунов пытался растормошить женщину, задавал каверзные вопросы, ловил в отрешенном взгляде искру испуга или интереса, но напрасно. Майор устал толочь стоячую воду в болоте, и отклонялся.

Ряженко встретился с хмурым начальством на стоянке перед зданием следственного отдела. По дороге к кабинету доложил о результатах разговора с Галиной Сосновской, что окончательно убедило Мигунова в непричастности Вялого к убийству Кулебякиной.

- Что нового рассказала дочь Авдотьи Прохоровны? – поинтересовался Александр у майора. Тот в двух словах пересказал и невесело добавил.
- Будем разрабатывать новую версию.
- Есть идеи?
- Пока немного, но есть, - пространно заметил Мигунов.

Возле их кабинета в ожидании сидели две немолодые дамы.

- Мама? – удивился Ряженко. – Что случилось?
- Александр, - голосом барыни, мучающейся от головной боли, произнесла Ольга Константиновна, - почему у тебя отключен мобильный телефон?
- Так надо, - с металлом в голосе изрек сын, сразу отвергая попытки превратить его в заботливую дворовую девушку.
- Мы с Эллочкой ждем тебя почти два часа!
- Позвольте узнать причину Вашего появления в этом здании? – впихнул свой вопрос в разговор матери и сына майор, взирая с высоты своего немалого роста на двух очаровательных гражданок, доходивших ему до груди.

Мадам Ряженко догадалась, что перед ней стоит всемогущий Мигунов, которого боготворил ее сын, вся подобралась, расправила плечики, коснулась рукой элегантной шляпки, одновременно заправила за ухо выбившуюся прядь волос и сказала.

- Элла Леонардовна хочет сделать заявление!

Стоящая рядом подруга едва заметно кивнула в ответ.

- Прошу! – майор открыл дверь и пригласил дам. Помог им снять пальто, предложил чай, но те отказались.

- Я не хочу, чтобы из-за меня пострадал невинный! Это я убила Кулебякину. – быстро проговорила Бацман, кокетливо грассируя, отчего официальное заявление стороннему слушателю показалось выдумкой.

- Насколько я знаю из слов матери, вы, Элла Леонардовна приехали на днях из Израиля и не были на Родине четыре десятка лет. – первым опомнился капитан Ряженко. Мигунов, молча, поглядывал на интересную даму, скребя указательным пальцем по виску.

- Олечка все верно сказала, - подтвердила дама и покосилась на подругу, которая погладила ее по руке, желая поддержать и успокоить.

- И что же получается? Вы вернулись в Россию, чтобы поквитаться с Кулебякиной.

- Чтобы Вы могли все понять, молодые люди, мы должны перенестись в начало семидесятых годов...

За сорок лет до описываемых событий

Всю дорогу от Симферополя, Элла думала о Вадиме, с которым не виделась все лето. Так получилось, что смены в пионерском лагере «Звездочка» шли одна за другой, и вожатая Бацман не имела возможности съездить в родной город. Молодые люди часто слали друг другу письма, у Эллы их накопилось целых тринадцать штук. Чертовья дюжина, греющая одинокую девичью душу. Однажды девушке удалось проникнуть в кабинет начальника лагеря и позвонить Вадиду. Они проболтали почти час, все не могли наговориться. Делились новостями, но молчали о любви. Только когда Элла сказала: «Мне пора», молодой человек не выдержал и тихо произнес: «Я соскучился».- «Я тоже», - ответила девушка и отключилась. После зажатого разговора сердце девушки радостно трепетало, но вместе с тем родилась необъяснимая тревога, источника которой найти не могла, как не пыталась. Может, это не тревога, а малюсенькая обида на Вадима, с мизинчик, за то, что он не сказал слов любви. Она знала, что парень не любит кидаться признаниями, держит их при себе, лишь изредка выпуская на волю, но все же... Они не виделись столько времени, что можно плюнуть на глупые принципы. Если сердце волнуется, то признание сами льются.

Последнее письмо Элла Бацман получила в середине августа. Больше писем от Вадима не было. В голову закралась противная мыслишка, но девушка ее прогнала, она уверена в чувствах Вадима к себе, и тем более уверена в своих к Вадиму.

Они встретились год назад при весьма неприятных обстоятельствах. У Эллы вытащили в автобусе кошелек, а молодой человек поймал воришку за руку, вернул потерю и проводил до дома, уговорив девушку прийти завтра на свидание. Как она могла отказать победителю? Тем более с такой харизматичной внешностью. В нем не было ничего особенного: русоволосый, вихрастый, с лучистыми глазами, широкоплечий, но не слишком высок, где-то на полголовы выше Эллы, у которой всего-то метр шестьдесят пять. Но чем-то он завораживал. Пройти мимо и не задержать взгляд, невозможно. Человек – магнит, назвала его про себя Бацман и гордилась, когда девушки обращали внимание на ее кавалера.

Способы обхаживания скромницы Эллы дали понять, что парень был знатоком в этом деле, не терпел поражений на любовном фронте, ожидая и здесь поднятия белого флага. Но воспитание еврейской девушки не позволяло ничего, кроме страстных поцелуев. Элла

думала, что их пуританские отношения вскоре наскучат ловеласу, но она ошибалась. Легкомысленный Вадим с каждым днем обретал разум и принимал условия своей возлюбленной. Он был сверстником Бацман, за плечами которой было три курса педагогического института. Молодой человек прошел два года службы в Вооруженных Силах, вернулся в родной город, и поступил на первый курс Машиностроительного института.

Двадцать лет – счастливая пора! Перед ними дорога длинною в жизнь, по которой они пойдут вместе, взявшись за руки.

Перед отъездом Элла дала Вадиму телеграмму, где информировала о дате и времени прибытия. Когда за окнами вагона замелькали окраины города, девушка схватила сумку и вышла в тамбур.

- Милая, не спеши, - сказала немолодая проводница, - еще двадцать минут ехать.

- Ничего, я здесь постою, если вы не возражаете.

- Стой, - разрешила она. – Небось кавалер будет встречать, - догадалась женщина.

- Кавалер, - протянула Элла. Настроение медленно ползло вниз, как снежный наст с карниза в период оттепели. По непонятной причине захотелось всплакнуть. И чтобы кто-то пожалел, погладил по голове и заверил, что для грусти нет причины. Но рядом никого не было, кроме проводницы, сосредоточившейся на своих обязанностях.

За окном проплыло здание вокзала, вместе с перроном и стоящими на нем людьми. Элла жадно вглядывалась в лица, выискивая самое дорогое и любимое.

Неужели он... - девушка была на грани нервного срыва. И тут заметила Вадима, который вертел головой во все стороны, пытаясь выхватить из окон ползущего поезда свою Эллу. Он сжимал в кулаке три малиновых гладиолуса и был похож на встревоженного первоклассника.

Она не помнила, как перелетела через проводницу и оказалась в его объятиях. Как целовала миллион раз его лицо, раздавливая между телами гордые гладиолусы, как гладила, трепала, заново изучала, вспоминала. А он стоял и позволял ей это проделывать с ним, пряча неизбежность в глазах...

- ...Как... женишься?! – непонимающе произнесла Элла, когда на следующий день Вадим пришел к ней домой. Был воскресный день, родители уехали на дачу, а в голову скромнице Бацман закралась аморальная мысль.

Ну, и что, если ЭТО произойдет до свадьбы, - уговаривала она себя, накрывая на стол в ожидании молодого человека. Завтра же мы пойдем в ЗАГС и подадим заявление. Я хочу быть женой Вадима Кулебякина! Мы выпьем шампанское, и я сделаю ему предложение. И не вижу тут ничего зазорного! Иначе можно упустить свое счастье, - констатировала она, еще не зная, что оно необратимо ушло...

Вадим стал произносить слова, смысл которых до Эллы сначала не доходил. Она пыталась вспомнить, в каком третьесортном фильме слышала эти банальные фразы о долгой разлуке, пагубно влияющей на молодой мужской организм, и о последствиях легких увлечений, способных изменить прежние планы, тем более, если отец этого увлечения шишка местного масштаба. До девушки, наконец, дошло, что особа, оказавшая сексуальную помощь Вадиму, находится на втором месяце беременности, а он, как человек, отвечающий за свои поступки, обязан создать полноценную ячейку общества. Бацман слушала, до крови закусив палец, чтобы сдержаться и не уговаривать. Когда во рту почувствовался соленый вкус, она выпустила из зубов искромсанный палец и тихо спросила.

- Ты ее любишь?

Он начал плести про долг, но она перебила.

- Тогда задам вопрос по-другому - а если бы ее папаша не сидел там? – и указала окровавленным пальцем на потолок. – Ты бы женился на ней? И не ходи вокруг, да около. Всего одно слово – «да» или «нет».

Вадим не склонен был к односложному ответу, а Элле надоела эта высокопарная болтовня, больше подходившая для партийных собраний, в которую он сам не верил, но четко повторял, не обращая внимания на вопросы, которые были не предусмотрены регламентом. Девушка с трудом поднялась, словно только что перенесла на ногах тяжелый недуг, вышла в прихожую, открыла входную дверь и решительно произнесла.

- Прощайте, дорогой товарищ Кулебякин. Желаю счастья в личной жизни!

Вадим замешкался, стал нести про дружбу, которая сработала, как удар молнии, пронзившей тело Эллы.

- Уходи! – выкрикнула она, дернулась, ударилась затылком о дверь, но не отреагировала на боль. - Иди отсюда, иначе я тебя покусую, - с ненавистью прошипела девушка и перешла на развязный тон, чего раньше за собой не замечала, - и будешь сидеть за свадебным столом с перевязанной физиономией. Еще придется уколы от бешенства делать, - произнесла с напускным сожалением и закатилась истерическим смехом, который сопровождал парня все время, пока он спускался по лестнице.

Элла захлопнула дверь и поняла, что последняя страница книги о счастливой жизни для нее перевернута...

Через четыре месяца их семья перебралась в Тель-Авив, где уже несколько лет жили бабушка Эллы и ее тетьа с семьей. Еще через год Элла вышла замуж, но фамилию не сменила, в тайне надеясь, что бывший возлюбленный станет искать ее в Израиле, в итоге отыщет, покается и попросит все вернуть назад. Она знала, что простит Вадима, даже если он объявится через десять, через двадцать лет. Любовь и память жили в ней все годы, пока боль душевная не переросла в физическую.

Перед уходом в мир иной Элла Леонардовна решила поехать в Россию, встретиться с Вадимом и задать всего один вопрос: «Не жалеет ли он, что жизнь так повернулась?»

Вечер дня убийства

Элла несколько часов бродила вокруг дома Кулебякиных, пока решила позвонить в дверь на первом этаже. Адрес узнала для нее подруга Ольга еще пять лет назад, но Бацман так и не собралась написать Вадиму. Она хотела увидеть его и посмотреть в глаза. В висках стучало, сердце бухало, колени дрожали, но она терпеливо ждала, когда дверь откроется и на пороге предстанет тот самый Вадим, совершенно не изменившийся за сорок лет.

Но вместо него появилась толстая бабища в пестром халате и с деревянным молотком в руках, предназначенном для отбивания мяса.

- Кого надо? – «дружелюбным» тоном спросила она.

- Вадим Миронович Кулебякин здесь проживает? – вопросом на вопрос ответила дама неопределенного возраста, но явно за пятьдесят, в белом пальто, презирующим ноябрьскую непогоду, черной шляпке, лихо сдвинутой чуть набок, черных сапогах, лайковых перчатках и с маленькой сумочкой, висящей на согнутой руке.

- Вы кто? – продолжился вечер ответов без вопросов.

- Я его старинная знакомая, - пояснила женщина, снимая с руки перчатку, словно собралась бросить ее в Авдотью и вызвать на дуэль. Манерность гостьи ту подкупила и озадачила. Кулебякина, недолго думая, отступила от двери и пригласила позднюю визитершу в дом, сама удивляясь своему благосклонному поведению.

Женщины прошли в кухню, где недавно прошел оползень, ураган, прошло стадо коров, а в довершении разразилась гроза, так все было забрызгало, заляпано, перевернуто, перекинуто. На столе стояла деревянная доска, принадлежавшая еще матери Надежде

Крупской, на которой сочились два плоских куска свинины, избитые крепкой хозяйской рукой. Авдотья отодвинула в сторону полуфабрикаты, распластавшиеся на собственности семьи вождя революции, присовокупив к ним орудие отбивания.

- А Вадима нет дома? – спросила Элла, незаметно стряхивая крошки со стула, предложенного хозяйкой, и присаживаясь на него.

- Нет, - отрезала Авдотья, заняв табурет напротив гостя и сворачивая толстые руки колечком, подпирая великанскую грудь, отчего изношенная ткань халата растянулась и треснула. Хозяйка на такую мелочь не обратила внимания, продолжая сверлить заплывшими глазенками Элли, у которой вдруг родилась мысль, что Вадим не вынес этого убожества рядом с собой, собрал вещи и ушел.

- Я, пожалуй, пойду, уже поздно, - скороговоркой проговорила она, поднимаясь с места.

- Постой, а чего ты приходила? – без обиняков задала вопрос хозяйка.

- Повидаться хотела... со школьным другом. Мы не виделись почти сорок лет, я живу в Израиле.

- В Израиле, - удивленно протянула Авдотья, будто гостя прилетела из мало кому известной Антарктиды. – То-то я смотрю, ты не в курсе.

- В курсе чего? – хотя, в доме Кулебякиной было прохладно, Элли бросило в жар, словно она села на горячую плиту конфорку. Она расстегнула пальто, но это не помогло.

- Так Вадим умер два года назад, - спокойно заявила женщина, словно рассказывала прогноз погоды на завтра.

- Как... умер? – Бацман упала на стул.

- Как люди умирают? – философски изрекла Авдотья. – Кто от сердца, кто от рака, кто от несчастного случая.

- Погодите, - потрясла головой гостя, не желая выслушивать рассуждения хозяйки. – Что произошло с Вадимом? – отчеканила она.

- Инсульт. Парализовало его, но он недолго мучился, за пару недель сгорел.

- В больнице? – спросила Элла, словно это обстоятельство имело существенное значение.

- Нет, Вадик в больницу не пожелал. И правильно, что эти врачи могут?! Только деньги брать!

- Жаль, я не знала, а то перевезла его в Тель – Авив, - едва слышно сказала Бацман.

- С чего это вдруг, тебе о нем заботиться? - насупилась Кулебякина. - Кто ты ему – мать, жена, сестра?.. Или ты... его любовница?

- Жалею, что не стала, хотя бы, любовницей, а взяла и исчезла из его жизни. – перешла на трагический шепот гостя.

- А-а-а, - заревела, как раненая буйволица, хозяйка, - Ты Элла! Ты та самая Элла, которую Вадька всю жизнь любил!

- Да, я Элла, - спокойно подтвердила женщина, потом до нее дошел смысл последней фразы. – Он... сам Вам... сказал, что любил меня... всю жизнь?

- Сам! Жаль, поздно узнала, перед самой болезнью, а то бы выгнала на улицу, как собаку, пусть бы доживал жизнь бомжом!

- Как Вы можете так говорить! Вы с этим мужчиной всю жизнь прожили!

- Думаешь, я не знала, почему он на мне женился? Знала! Ему на мою беременность было плевать, да и красотой я не блистала, и старше его на пять лет. Мне было замуж пора, а вокруг одни страхолюдные сынки партийных боссов! А Вадька, он... такой необыкновенный был и... страстный... Да, ты поди знаешь?

- Не знаю, - с горечью в голосе разубедила Бацман.

- Никогда не поверю, что Вадиму можно было отказать.

- А я отказала, и сама об этом всю жизнь жалею...

- И он жалел, что женился на мне. Я же не дура, все замечала. Сколько раз слышала, как он твое имя во сне произносил. Даже следила за ним, хотела узнать, кто такая эта Элла, от

которой разум моего мужа помутился. Вот так и жили, он терпел меня из-за дочери, а я ревновала, скандалила и изводила его. Но он не признавался, все твердил, что у меня слуховые галлюцинации... Только однажды не выдержал и в сердцах сказал: «Как я тебя ненавижу! Ты мне всю жизнь испохабила!» А я ему: «Конечно, с Эллочкой было бы лучше!» Он сразу сник, признался, что с ней одной нашел бы счастье, потому как любил только ее одну. Но никого не винит, только себя одного...

Бацман никак не могла совладать с рвущимися наружу слезами, плакать при этой женщине ей не хотелось.

- Можно стакан воды, - попросила она срывающимся голосом, схватила протянутую чашку и сделала несколько глотков.

- Но я ему отомстила за это признание! – с вызовом заявила Авдотья, заметив душевное волнение дамы и желая ее добить.

- Как... отомстила? – поперхнулась признанием Элла Бацман, медленно возвращая чашку с недопитой водой на место.

- Он гипертоник был, всегда на ночь лекарство от давления принимал, а я ему вместо нужной таблетки подсунула безобидную, таблетку аскорбиновой кислоты, а у Вадьки еще язва была. Раз дала, два дала, пока у него ночью давление до двухсот пятидесяти не подскочило, и его не парализовало! Я участкового врача вызвала, он прописал уйму лекарств, но я ему их не купила. Пусть, думаю, сдохнет, сволочь такая!

У Эллы потемнела в глазах, кухня завертелась, увлекая хрупкую женщину в эпицентр смерча. Но она нашла в себе силы вырваться, увидела ухмыляющееся лицо вдовы, протянула руку к деревянному молотку, поджидающего своей участи, как орудия убийства, и вложила в удар всю имеющуюся силу, которая сидела и ждала почти сорок лет...

Пятое ноября, третий день следствия

- Я не знаю, как смогла убить человека, - пробормотала Элла Леонардовна.

- Что Вы сделали потом? – спросил Мигунов, внимательно выслушавший вместе с капитаном Ряженко всю трагическую историю.

- Когда эта женщина упала, я еще долго сидела и смотрела на нее, ничего не соображая. Допила воду, автоматически вымыла чашку, потом встала и ушла, плотно прикрыв дверь.

- А кто помог Вам вынести тело и сбросить его в котлован неподалеку от дома?

- В какой котлован? – не поняла Бацман. – Я ее ударила... молотком, она упала. Я еще удивилась, что легко с ней справилась таким несерьезным орудием... Но мне показалось, что она дышала, хотя, я не проверяла у нее пульс – боялась дотронуться. Наверное, надо бы вызвать врача, но я плохо соображала. Я была потрясена откровением этой женщины.

- Авдотья Прохоровна Кулебякина была задушена и сброшена в котлован. Удар молотком был ни смертельным, хоть и угодил рядом с виском. Она потеряла сознание, Вы позвали своего подельника, который довел начатое дело до конца – задушил вдову, потом вы перевернули все вверх дном. Что Вы искали? Или пытались запутать следы?.. От кого Вы узнали, что днем у нее произошел инцидент с экскаваторщиком Вялым, который при всех грозился расправиться с Авдотьей Прохоровной? Вы воспользовались этим и пришли к Кулебякиной...

- Молодой человек, вы сошли с ума! – возмутилась Ольга Константиновна. – А я уверяла тебя, Эллочка, что майор Мигунов очень хороший следователь и во всем разберется, но я ошибалась. Зачем моей подруге убивать Кулебякину?

- Месть, - коротко пояснил Тимофей.

- Из Ваших слов следует, что Элла ждала сорок лет, чтобы отомстить женщине, которая женила на себе ее возлюбленного?

- Допустим, она узнала, что Кулебякина... не препятствовала уходу мужа из жизни, - сказала Мигунов, тщательно подбирая слова.
- Откуда? – недовольно поморщилась мадам Ряженко. – Кроме меня, Элла ни с кем не переписывалась и не перезванивалась.
- Вот Вы и были источником информации!
- Я Вадима в глаза не видела, ни в те годы, ни после того, как подруга уехала в Израиль. Она скрывала его ото всех, не знаю почему. О его существовании мне стало известно пять лет назад, когда Эллочка попросила найти его адрес. Я обратилась за помощью к сыну, и он мне помог...
- Значит, капитан Ряженко тоже увяз в этом деле! – удивился стечению обстоятельств Мигунов и хитро зыркнул на подчиненного.
- Мать попросила узнать адрес своего однокашника - Вадима Мироновича Кулебякина, сказала, что у них намечается встреча выпускников...
- Элла просила не посвящать посторонних, - перебила сына Ольга Константиновна.
- Что же нам с Вами, гражданка Бацман, делать? - невесело вздохнул майор Мигунов. – За неоказание помощи пострадавшему у нас статья имеется. Не говоря уже, о покушении на жизнь.
- Я не хотела, так вышло, - пожала плечами Элла Леонардовна, - но я готова понести наказание.
- Какое наказание?! – подхватила с места Ольга Ряженко. - Ты ни в чем не виновата! Это Кулебякину надо судить за убийство мужа, а тебе медаль дать за спасение человечества от таких мразей!
- Мама, откуда ты такие слова знаешь? – остолбенел сын.
- С тобой я, вообще, не хочу разговаривать! – нависла она над Сашкой, резко развернулась в сторону притихшего Мигунова и заявила, - с Вами, черствый человек, тем более! Какое ужасное непонимание!.. Эллочка, пошли отсюда! – женщина потащила подругу к выходу, но затормозила на пороге, - у вас нет веских оснований для задержания! Вы не можете взять с нее подписку о невыезде – она гражданка Израиля, по этому поводу Вам надо обратиться в Посольство! - И обе дамы удалились.
- Вот тебе и мать юриста, - рассмеялся во весь голос Олегovich.
- А чего ты на нее наехал? – удивился Ряженко. - Сразу видно, что Эллочка невиновна. Она обалдела от доверительного рассказа Авдотьи и огрела ее молотком.
- Но какая силища в хрупком теле! – удивился Мигунов. – Я понимаю, если бы молоток был настоящим, а то так, игрушка деревянная.
- Любовь, пронесенная через сорок лет, придала силы и помогла наказать Кулебякину. – с умным видом заметил знаток высоких чувств капитан Ряженко.
- И сыграть на руку настоящему убийце, - продолжил майор. – Представляешь, какое ему счастье привалило: сначала инцидент с Вялым, потом появление бывшей возлюбленной умершего мужа, которая смогла отключить на время Кулебякину. Ему оставалось зайти, придушить ее, без спешки устроить обыск, а после вынести тело и сбросить в котлован.
- А что мы будем делать с госпожой Бацман? – насторожился Сашка, который был полностью на ее стороне.
- Пожурим немного для остротки.
- Мать говорит, она серьезно больна, от силы осталось месяца три, - вздохнул капитан. – Там, на небесах, и соединиться со своим Вадимом, - закатил он глаза.
- Майор не отреагировал на грустные рассуждения Ряженко, погрузившись в собственные размышления, но подчиненный решил не упускать случая и довести свою адвокатскую карьеру до логического конца.
- Олегovich, надо выпускать Вялого!
- Завтра, - пробурчал Мигунов.

- Снова завтра, все завтраками кормишь, - недовольно заметил Сашка. – Почему невинный должен просидеть еще одну ночь в следственном изоляторе?

- Пусть посидит, может, до него дойдет, что придуманная роль отрицательного героя ему не подходит...

Шестое ноября, четвертый день следствия

Мигунов поручил Ряженко покопаться в прошлом Авдотьи Кулебякиной, в девичестве Прохоровой, особенно обратить внимание на ее высокопоставленного отца.

Прохор Ильич Прохоров был вторым Секретарем Обкома Партии с конца шестидесятых до начала восьмидесятых. Раньше за свои места держались крепко и просто так не отдавали, репутацию не марали, порочащими связями себя не окружали, жен выбирали молчаливых и невыразительных, которые всецело сосредотачивались на воспитании детей.

У четы Прохоровых их было трое: Ефросинья, Демьян и Авдотья. Старшая дочь тяготела к истории, сын – к юриспруденции, а младшая Дуня... ни к чему. На уме были развлечения, а в душе поселилась узконаправленная мечта – выйти замуж, причем обязательно за такого мужчину, чтобы окружающие умерли от зависти. Когда Авдотья окончила школу и не изъявила желаний поступить в престижный институт, куда папочка был готов ее втолкнуть без особых проблем, домочадцы не удивились – младшей дочери позволялось все, в отличие от Фроси и Демьяна, к которым отец был излишне строг. Дунька спала до полудня, со вкусом завтракала, потом несколько часов сидела перед зеркалом и прихорашивалась. Отец смотрел на праздный образ жизни дочери сквозь пальцы, но на всякий случай, дабы избежать неприятных разговоров за спиной, фиктивно пристроил ее в одно НИИ, которым руководил его приятель. Несколько лет развлечений не выдержал даже Прохор Ильич, благосклонный к причудам любимой дочери, и решил выдать ее замуж, тем самым переложив заботы о ней на плечи мужа. Но все предложенные кандидатуры были отвергнуты упрямой Авдотьей, разом превратившейся в капризную принцессу из сказки. Тогда отец купил дочери квартиру и стал выделять ежемесячное пособие, которого могло хватить на семью из четырех человек, при условии неэкономного ведения хозяйства. Но Дуне выделенной суммы не хватало. Прохоров –старший на очередную просьбу о премии отреагировал непривычно жестко, заявив, что еще одна попытка «выцыганить деньжат» приведет к урезанию пособия вдвое. Авдотье пришлось ретироваться. Беспечная жизнь продолжалась до той поры, пока девушка не повстречала Вадима Кулебякина. Выбор дочери отец не одобрил, но вступать в дискуссию не стал, тем более Дунька ждала ребенка. На первых порах Прохоров помогал молодой семье, но после отставки отпустил их на вольные хлеба. Злость на отца Авдотья выливалась на мужа, не способного создать ей условий, к которым она привыкла. Оставалась надежда на получение наследства. Прохоров не хотел, чтобы после его смерти дети перессорились и передрались. В адекватном поведении старших детей он был уверен, но корыстная Авдотья могла пойти на все, поэтому еще при жизни он распорядился своей собственностью, написав завещание, где упомянул Ефросинью, которой досталась шикарная четырехкомнатная квартира в центре города, и Демьяна, получившего загородный дом. Присутствующая при дележе имущества младшая дочь едва не лишилась чувств от возмущения, но отец быстро ее успокоил и в присутствии всех троих детей заявил, что Дуня получает в наследство старинное кольцо, доставшееся ему от матери. За это ювелирное изделие можно купить квартиру, загородный дом, автомобиль, еще останется на поездку за рубеж и на недолгое безбедное существование, учитывая тот факт, что при возвращении исторической ценности государству она получит двадцать пять процентов от ее стоимости, как человек «случайно» обнаруживший эту ценность. Дети про кольцо никогда не слышали и

клятвенно пообещали сохранить в тайне историю о том, как оно попало в их семью, и кто стал его собственником. Они с интересом рассматривали великолепную работу ювелира, выполнившего заказ самой Екатерины Великой, и не предполагавшего, что кольцо окажется в руках бандита, который был правой рукой легендарного Нестора Махно и возлюбленным деревенской девушки, ставшей в последствие Прохоровой и хранившей всю жизнь подарок человека, положившего голову за своего батьку.

Авдотья реликвию приняла и задумалась: если она вернет кольцо императрицы государству, то получит двадцать пять процентов. Это немало, с одной стороны, но с другой – крохи от его истинной стоимости. Но как сделать, чтобы и деньги в полном объеме получить и срок за утаивание исторической ценности не заработать? Решила посоветоваться с отцом, имеющим обширные связи, но тот сказал, чтобы дочь не играла в игры с государством и довольствовалась законными процентами. Так и маялась всю жизнь над дилеммой алчная до безумия Авдотья Кулебякина. И отдать за гроши жаль, и обратиться без рекомендации не к кому, а где взять рекомендации, ежели делиться тайной страшно, и держать при себе и того боязно: вдруг воры влезут и лишат ее последней надежды на безбедную жизнь. Надо бы так спрятать кольцо, чтобы никто не нашел. Тут еще сестра твердит, как заведенная: «Не хочешь стать богачкой, держи кольцо при себе, любуйся им под одеялом, а хочешь, так выдумай историю о случайно обнаруженной находке и получи законные двадцать пять процентов»...

Об этом поведала капитану Ряженко Ефросинья Прохоровна, посчитавшая возможным открыть секрет приобретения кольца своей бабушкой...

- Но если не она рассказала про эту историческую ценность, так, может быть, брат? – спросил Мигунов, с интересом выслушавший рассказ капитана. – Демьян, кажется?

- Демьян Прохорович пребывает на другом свете уже почти тридцать пять лет. И он, и его семья – жена и дочь. Однажды ночью в дом, полученный по наследству от отца, забрались вооруженные грабители. Они убили всех троих и вынесли все, что могли унести. Раньше все было в дефиците. По словам все той же Ефросиньи Прохоровны наследство бывшего партийного босса не принесло счастья его детям. Пожилая женщина заявила: «Была бы я невежественным человеком, то поверила бы в мистику, будто это Екатерина Великая нас наказывает».

- А что были еще трагические случаи? - заинтересовался майор.

- Через год после смерти отца Ефросинья вместе с мужем и двумя детьми поехала в Крым, а мать осталась в квартире одна. Ночью произошла утечка газа, и пожилая женщина скончалась от удушья. Потом был еще один случай... Когда сыну было семнадцать лет, он увлекся игрой на гитаре, целыми днями брэнчал. Сядет на подоконник и перебирает струны. Перебирал, перебирал и не заметил, как выпал с третьего этажа.

- Разбился?

- Под окном рос каштан, благодаря ему выжил, но повредил позвоночник. Мать долго лечила сына, но безуспешно, так и остался калекой... А на дочь огромная люстра чуть не упала. Девочка сидела за столом и делала уроки, в дверь позвонили, она сделала пару шагов, а тут сзади грохот. Если бы не встала с места, люстра бы ее точно убила.

- Как я понимаю, Ефросинья устала от мистики и обменяла элитную жилплощадь? - спросил Тимофей, зная, что его подчиненный ездил на встречу с сестрой погибшей Кулебякиной в новый микрорайон.

- Она разменяла четырехкомнатную квартиру в центре на две двухкомнатные: одна досталась дочери, в другой Ефросинья с мужем живет.

- А сын-калека?

- Он умер давно... Но лет пятнадцать в инвалидном кресле промаялся, - мрачно уточнил Ряженко, потом подумал и философски добавил, - да, летит время и забирает близких.

- Что за пессимистическое настроение?! – нахмурился Мигунов, - наслушался мистических рассказов и скис?

- Я не молоко, чтобы скисать, - обиделся Сашка, - просто пообщался с Ефросиньей Прохоровной и задумался о скоротечности жизни. Она говорит, не заметила, как семьдесят два стукнуло.

- Ну, тебе до семидесяти двух еще жить и жить, - успокоил его майор, - ты лучше расскажи, сестры похожи между собой? – Мигунову представилась еще одна бабища во фланелевом стареньком халате, только на семь лет старше, что должно отразиться на лице, еще больше прорезанном глубокими морщинами.

- Ничего общего, - замотал головой капитан. – Ефросинья до сих пор преподает в университете. Вылитая пожилая дама из дореволюционного прошлого: белая блуза с жабо и замысловатой брошью, черный костюм двойка – юбка и жилет, на ногах лодочки на небольшой каблучке, седые волосы аккуратно забраны на затылке, в ушах красивые маленькие сережки, на переносице очки без оправы. Но еще больше меня поразил манерный голос и правильная речь.

- Тоже мне, знаток человеческих голосов, - хмыкнул Олегович. – Может, ты так увлекся журчанием манерной речи, что пропустил что-то важное?

- Обижает, начальник! – возмутился капитан Ряженко, - все рассказал, ничего не утаил, зуб даю!

Мигунов приложил руку к щеке, мысленно обругав подчиненного за напоминание. У него второй день ныл зуб, нудно, противно, сверля мозги и призывая к походу к стоматологу. Но майор решил не сдаваться и заглушал боль обезболивающим или выслушиванием баек о странных случаях из жизни Прохоровых.

- Что мы имеем? – спросил Олегович, осторожно коснулся языком врага-зуба и, скривившись, заключил, - про кольцо знали четыре человека: отец и трое его детей. Отца и сына мы вычеркиваем, остаются Ефросинья и Авдотья. Ефросинья клянется, что тайну никому не раскрывала, остается Авдотья, которая унесла ответ на этот вопрос с собой в могилу... Кстати, когда ее похороны?

- Завтра, - недовольно пробурчал капитан, предугадавший последствия такого интереса. На улице льет дождь, и вряд ли он закончится к завтрашнему дню. На кладбище будет месиво из разведенной водой глины, Сашка снова промочит ноги, как сегодня, а обувь ему, кроме промокающих башмаков, отметивших недавно второй год со дня покупки, нечего. До зарплаты осталась неделя, которой надо заткнуть множество дыр в семейном бюджете. До покупки новой обуви очередь снова не дойдет. Скорее бы новый год, - подумал Ряженко. Его не интересовал сам праздник, а желание быстро перелистнуть календарь ноября и декабря, было связано с повышением оклада в четыре раза. Об этом говорил сам министр, когда приезжал к их город и встречался с работниками МВД. Сашку по непонятным причинам туда не позвали, а жаль, хотелось бы услышать обещание своими ушами, а то не верить. Он даже с матерью не поделился радостной новостью, чтобы не слышать призывов к женитьбе, которая находится в прямой зависимости от оклада: чем больше заработная плата, тем выше вероятность заключения брака. Хотя, Александр видит единственную причину для свадьбы – любовь, спокойную, без сумасшедшей страсти, угасающей с годами, как поленья в камине, взаимную без выяснений, кто кого сильнее любит. Любовь, она или есть или нет, а возведение ее в степень или в куб его пониманию неподвластно...

Седьмое ноября, пятый день следствия

Всю ночь за окном стонала непогода и просилась на постой. Сашка изредка просыпался и недовольно прислушивался к просьбам, переворачивался на другой бок и накрывался одеялом с головой, чтобы не слышать завываний и попытаться убедить себя, будто к утру

произойдет метаморфоза: злюка-осень сменит ампула и станет ласково-теплой и бесслезной.

Осень не обиделась на невнимание и учла пожелания молодого человека, прекратила оплакивать свою роковую судьбу, собралась и сковала землю легким морозцем, сохранив на память отпечатки чужих ног. Солнце не было чрезмерно ласковым, напротив, отчужденно возвышенным и презрительным, но оно зависло на голубом небе вместе с планирующими редкими корабликами-облачками, и это было сказочно красиво и неожиданно.

Сашке пришлось достать из шкафа теплую куртку и шарф. Он не откликнулся на просьбу матери нацепить кепку, и выскользнул из квартиры.

До дома Кулебякиной он добрался быстро - народ успел рассеяться по офисам, время перевалило через десяточку. Тело из морга уже привезли и выставили перед подъездом. Вокруг сгрудились соседи, а возле гроба сидели сестра погибшей, ее дочь и племянница. С некоторыми из присутствующих Ряженко разговаривал в тот день, когда Кулебякину нашли в котловане, и теперь жалел об этом: люди при виде человека из правоохранительных органов замолкали и утыкались взглядом в гроб, словно хотели запечатлеть в памяти небывалое зрелище.

Облом, - мысленно решил Сашка, но уходить не спешил, надеясь на болтливость непосвященных. От группы скорбящих отделилась пожилая женщина, соседка Кулебякиной и хозяйка кота Бантика. Она кивнула капитану и шепотом спросила.

- Вы отпустили убийцу? – заметив непонимающий взгляд Ряженко, пояснила, - этого экскаваторщика, Вялого?

Сначала капитан решил сделать загадочное лицо и напомнить о тайне следствия, но потом ему захотелось приоткрыть завесу секретности, чтобы впустить в нее поток чужого красноречия, способного пролить свет и вытянуть забуксовавшее расследование из ямы.

- Тарас Вялый невиновен, - доверительно сообщил он. Женщина вскинула на него свои выцветшие карие глаза и недовольно пробурчала, придвинувшись вплотную к полицейскому.

- Как это... невиновен? Мы все слышали, как он ей угрожал, - она кивнула в сторону упокоившейся Кулебякиной.

- Угрожать и привести угрозу в исполнение это разные вещи. – Капитан склонился над невысокой женщиной и страдальческим тоном произнес, - у него алиби на время убийства.

- Точно? – подобралась Слепцова, выдержавшая неожиданное признание. – И как теперь быть?

- Пока не знаю, всюду тупик, - снова пожалился он. – Одна надежда на людей, близко знающих погибшую. Может, она делилась секретами...

- Это Вы к тому, что Авдотья могла хранить что-то ценное в доме? – перебила его бывшая на обыске понятой соседка. – Я сразу подумала, что у нее что-то искали, иначе, зачем все переворачивать верх дном.

- У меня тоже родилась такая мысль, но близкие люди ничего не знают.

- Врут, - кивнула головой быстрая на выводы дама.

- У вас есть доказательство? – недоверчиво поинтересовался капитан и заметил мечущийся взгляд женщины. – Нина Иннокентьевна, если Вы что-то знаете... - наставительно начал он и грозно свел брови на переносице.

- Одно дело знать, другое – сплетни распускать и пересказывать пьяную болтовню, - складно высказалась Слепцова, закусив от усердия губу.

- Вы расскажите, а я сам решу, - предложил Ряженко, прихватил женщину за локоток и отвел подальше от граждан, наостривших ушки.

- Это было почти два года назад, - прошептала Нина Иннокентьевна, - в тот день мы похоронили Вадима Мироновича, мужа Авдотьи. Помянули, как положено, а когда все разошлись стали со стола убирать. Дунька совсем раскисла, еще и переборщила с наливочкой, хотя, раньше я не замечала за ней пристрастия к алкоголю, и стала плакать, жалуясь на свою несчастливую женскую долю. Я мыла посуду, а она рядом сидела, размазывала слезы по щекам и откровенничала. Честно признаться, я слушала вполуха, чего не придумаешь спьяну.

- Но что-то Вы запомнили? – не удержался от вопроса капитан.

- Авдотья говорила, будто виновата в смерти мужа, затем стала его винить во всем и утверждать, что если бы он знал ее тайну, то и вел бы себя с ней иначе. Потом смолкла, я подумала, что она заснула, поворачиваюсь и вижу, Кулебякина сверлит меня таким взглядом, что страшно стало. – Ты чего, Авдотья? – спрашиваю я. – Тайна наружу лезет! – сказала она. – Вот и думаю, можно тебе ее доверить? – Лучше не надо, - отмахнулась я, - тогда она тайной быть перестанет. – Нет, Нина, не перестанет. Ты дашь мне клятву, что никому не расскажешь! – Последний раз я клялась в детстве, - хмыкнула я, желая перевести все в шутку, но соседка не сдавалась и вынудила меня поклясться, что буду держать в секрете все, что она мне скажет. Я тогда не поверила, и сейчас не верю, что Кулебякина всю жизнь хранила кольцо Екатерины Великой.

Па-ба-ба-бам! – заиграло в голове капитана Ряженко.

- При этом разговоре, кроме Вас, кто-то присутствовал?

- В кухне были только я и Авдотья, а в комнате возились с мебелью... - и она назвала два имени. Саша осмотрелся и заметил в толпе названных людей.

- Они могли слышать ваш разговор?

- Думаю, могли, - протянула Нина Иннокентьевна, после размышлений. – У Дуньки шепот был похож на командный бас...

- Тогда поступим так, - торопливо произнес Ряженко, обладатель высокой скорости мышления и быстротой принятия решения, которое не всегда согласовывал с начальством. Он покопался в кармане, выудил монету, сунул ее в руку женщине и согнул пальцы, словно закатал два рубля в кулак. – Сейчас Вы подойдете к гробу и сунете монету под подушку, причем сделаете это, не таясь. Пусть все видят, что Вы спрятали там некую вещь.

- Зачем?

- Слушайте дальше, - не стал вступать в диалог Ряженко. - Потом Вы вместе со всеми поедите на кладбище, и когда Кулебякину предадут земле, подойдете к тем людям и поведаете трогательную историю о том, что соседка незадолго до смерти передала Вам кольцо на хранение, скажете, будто она боялась ограбления или что у нее появилось нехорошее предчувствие...

- Но у Авдотьи есть сестра, - напомнила женщина.

- Сестра далеко, а Вы под боком, всегда можно зайти и забрать драгоценность, или просто полюбоваться, - понес находчивый Александр.

- Понятно, - кивнула Нина Иннокентьевна, и внимательно стала слушать дальше.

- После этого Вы посетуете, что забыли про кольцо и вспомнили только накануне, всю ночь терзались сомнениями, что с ним делать? Конечно, присваивать чужую вещь Вы не собирались, но метались между выбором – отдать ценность сестре Кулебякиной или вернуть хозяйке, в результате остановились на втором варианте... И еще...Если они спросят, о чем мы с Вами разговаривали, ответите, что Тарас Вялый признался, что он убил Кулебякину.

- Как... это вернуть? – поморщилась женщина, оставив без внимания последнее напутствие.

- Молча, - вспыхнул капитан. – Вы не знаете, как цыгане хоронят своих родственников? Или как хоронили древние египтяне?

- Все необходимое в другой жизни они кладут в могилу, - ответила женщина.

- Вот и Вы так поступили! Вернули вещь, которой Авдотья Прохоровна очень дорожила.

Нина Иннокентьевна приоткрыла сжатый кулак и оценила мнимое кольцо императрицы Екатерины.

- Это неопасно?

- Опасней было, если Вы признались, что кольцо осталось у Вас.

- Я не за себя боюсь, за Леночку. Ко мне внучка вчера приехала. – Она кивнула в сторону подъезда, из которого показалась симпатичная светловолосая девушка в джинсах, фиолетовой курточке и затянутом петлей шарфе. Все умные мысли Ряженко, прочно засевшие до этой минуты в голове, решили отправиться в теплые края, выстроились клином и полетели, оставив на память ошеломляющую пустоту.

- Я пошла, - произнесла Слепцова таким тоном, будто шла на голгофу.

- Да-да, идите, - скороговоркой проговорил Сашка, радуясь одиночеству, которое не станет мешать визуальному наслаждению. Однако долг и ответственность дали чувствительный подзатыльник и вернули заплутавшие мысли назад. Ряженко выбрал подходящую позицию и стал с интересом наблюдать за женщиной, которая строго следовала его инструкциям...

- Почему ты не посоветовался со мной? – возмутился Мигунов, когда продрогший капитан вернулся с похорон. На кладбище снова начал накрапывать холодный дождь, в затяжной ливень не перешел, но сырую землю еще больше увлажнил, не забыв позабавиться с обувью Сашки.

- Извини, Олегович, боялся упустить момент. – попытался загладить вину Ряженко.

- У тебя всегда одно и то же, инициативный ты наш! – злость быстро пошла на убыль, Мигунов уже разрабатывал план предстоящей операции. – Ладно, пошли начальству докладывать!..

В тот же вечер на кладбище была выставлена засада, но ночью у могилы никто не появился. Мигунов и Ряженко не надеялись, что убийца сразу явится за кольцом, но были уверены – тянуть он также не станет, желание стать обладателем реликтовой ценности заставит позабыть о бдительности, о страхе и о чем угодно.

Восьмое ноября, шестой день следствия

Днем засаду на кладбище не сняли, хотя, уверенности, что человек приступит к раскопкам в светлое время суток, не было.

Мигунов и Ряженко отправились на квартиру Кулебякиной.

Ефросинья Прохоровна говорила, что на все уговоры снять ячейку в банке и положить туда кольцо Екатерины, сестра отвечала отказом. Следовательно, она хранила его дома.

- Ну, как в этом бедламе отыскать малюсенькую вещь, - бурчал капитан, проверяя старомодные жестяные банки, красные в белых горох, где хранились сыпучие вещества.

- Авдотья была женщиной хитрой, она не поступила бы так, как поступили другие, - заметил майор, не принимавший участие в обыске.

Он сидел в кресле, перекинув ногу на ногу, и изучал три гипсовые куклы, выстроившиеся рядом на комод. Они были в нарядных платьях и красивых туфельках. Одна держала на руках маленького мишку, другая – корзину с мухоморами, а в руках третьей был маленький бархатный ридикюльчик, больше похожий на маленький мешочек, стянутый по горловине шнурком.

Тимофей медленно поднялся, взял в руки даму в сумочкой и взвесил на пальце ее содержимое.

- Сашка, там что-то есть, - прошептал он, словно боялся спугнуть нечто, спрятавшееся внутри кукольного мешочка.

Майор с трудом развязал шнурок своими толстыми пальцами и потряс сумочку над ладонью, куда не замедлило выкатиться кольцо Екатерины Великой – великолепный образец работы гениального мастера. С большим изумрудом и россыпью бриллиантов, кружевными лепестками и крошечным вензелем, выгравированном на ободке, где в центре соединения закрученного «Е» был вставлен крошечный бриллиантик-глазок...

Поздним вечером наблюдатель доложил, что объект вышел из дома, сел в автомобиль и уехал.

Через полчаса около могилы, освещаемой одним надкушенным источником света, зависшим на недостижимой высоте, появилась коренастая фигура с лопатой в руке, с сумкой через плечо и приступила к раскопкам. Влажная земля поддавалась легко, но человек был непривычен к таким работам и возился не менее двух часов, пока лопата не ударилась о твердый предмет. Одновременно со стуком из ямы показалась голова, боязливо поозиралась и снова скрылась. Затем раздался скрип выдираемых гвоздей, сопровождаемым усердным побряхтыванием. Дело не ладилось, человек достал из сумки топорик и занес его над головой.

- Здравствуйте, гражданин Крыжовников! – раздался над головой мужской голос, заставивший топор задержаться на высшей точке. Человек дернулся и завалился на спину. - Так любили Кулебякину, что захотели еще раз попрощаться? – заботливо спросил Мигунов, продолжая освещать место глумления мощным фонарем. Рядом с ним выросли еще несколько фигур с такими же осветительными приборами. - Вы не подумали, как будете выбираться из ямы. Ай-ай-ай, как же Вы не учли сей факт, но да ничего, мы Вам поможем.

Бравые ребята быстро подняли грузного Ивана Крыжовникова из ямы и повели в машине...

- Это все мать! – голосом стукача Павлика Морозова докладывал Крыжовников. – Она мне все уши прожужжала – надо у Дуньки кольцо выкрасть, надо, надо... А как его выкрадешь, я не взломщик, а у соседки дверь с секретом, отмычкой не откроешь. Два года ждали, пока случай не представился. Мать была свидетельницей обещания Вялого поквитаться с Кулебякиной, быстро сообразила, что можно убийство перевести на него и разработала план. Но вся проблема была в том, что Авдотья гостей не привечала, оставляла за порогом все нуждающихся в соли и куске хлеба.

- Она всегда так поступала? – спросил майор, удивившись, что женщина впустила в квартиру Эллу Леонардовну Байман. Скорее всего, у нее вызвала интерес особа, пришедшая к ее почившему супругу.

- Почти всегда, - заерзал Крыжовников.

- Я так понимаю, что Вы слышали разговор Вашей соседки с неизвестной женщиной на лестничной клетке?

- Слышал, - вяло согласился Иван, - и очень удивился, когда она впустила ее в квартиру, я в глазок видел. Мать настояла, чтобы я подслушивал, но я...

- Прекратите снимать с себя ответственность, Крыжовников, и перекладывать вину на мать. Вам не пятнадцать лет, а втрое больше! – скривился Тимофей Олегович, которому претило такое поведение великовозрастного отпрыска мамы – поджигательницы.

- Я не снимаю, но...

- Давайте по существу, - перебил он.

- Потом та женщина, в белом пальто, выскочила и побежала по лестнице.

- Дверь осталась открытой?

- Нет, она ее прикрыла. Я прислушался, думал, сейчас Кулебякина запорами задвигает, но было тихо.

- Тогда Вы открыли дверь, окликнули соседку, Вам никто не ответил, Вы зашли и увидели, что она лежит на полу без сознания. Недолго думая, спокойно задушили ее и стали искать кольцо, о котором случайно узнали из доверительного разговора Авдотьи Прохоровны и Нины Иннокентьевны после поминок по Вадиму Мироновичу, когда решили забрать одолженные вдове стулья. Не нашли, о чем я могу судить по раскопкам на кладбище, вынесли труп из квартиры и сбросили в котлован, чтобы повести следствие по ложному пути, а ранним утром сами же и «обнаружили» труп. Я еще подумал, зачем человеку, спешащему на работу, заглядывать в яму? Потом думаю, надоело сидеть без отопления, вот и решил проверить, на каком этапе остановились коммунальщики.

Разделавшись с бумаги и побурчав для видимости, капитан Ряженко отправился к Слепцовой. Он хотел поблагодарить ее за содействие и... еще раз взглянуть на внучку Леночку, которая сама того не заметив, влезла ему в душу и лишила спокойствия, что не отразилось на сне: спал Сашка всегда крепко, без сновидений, для сочинения лирических баллад не пробуждался и считал лирику в любви не обязательной прилагающей...

Дверь открыла сама Леночка и удивленно замерла, склонив голову на бок и ожидая пояснений. Ряженко залился краской, как девица на сватовстве, и опустил очи долу. Его взору предстали стоптанные башмаки, совершенно не подходящие для случая знакомства. Он забыл о непритязательности любви, об отсутствии связи между материальным и возвышенным, попереминался с ноги на ногу и хотел отступить на время, но рядом с внучкой появилась новая знакомая, удачно выполнившая возложенную на нее миссию.

- Здравствуйте, капитан Ряженко, - расплылась она в улыбке. - Мы очень рады Вас видеть, проходите.

- Угу, - пробасил Сашка...

Почему в самый ответственный момент в голову лезут разные банальности, типа: Вы верите в любовь с первого взгляда? Или... Как вы относитесь к людям в погонах?.. И все в таком духе... Еще прочти ей назубок несколько статей уголовного кодекса, то-то она порадуется твоему красноречию, - ругал себя Ряженко, выпивая третью чашку вкусного чая, предложенную гостеприимной хозяйкой, выслушавшей окончание истории, в которой сама сыграла не последнюю роль. После чего женщина ушла, сославшись на усталость, и оставила молодых людей наедине. Александр сразу сдулся, сосредоточился на кружке лимона, подобно желтому плоту замершему в замкнутом водном объеме.

В кухне повисло молчание. Оно начало давить на уши, как перегрузка в самолете, и холодной рукой водить по позвоночнику. Каждый изучал содержимое своей чашки, будто перед этим было заключено пари на пересчет чаинок: у кого их больше, тот и выйдет победителем.

- Саша... - начала девушка и смутилась.

- Что?

- Саша, Вы... верите в любовь с первого взгляда? - прошептала Лена и, наконец, повернула к нему свои необыкновенные глаза, которые сразили его накануне. Глаза коктейля, где соединились шампанское и коньяк. Шампанское осветило коньячный цвет и заставило его заиграть.

- Верю, но это я понял совсем недавно... - он целовал ее голос и не отрывался от ее изумительных глаз. - Вы любите стихи Есенина? - неожиданно спросил он, позабыв о неважности лирики.

Она не стала опускаться до прозаического ответа.

- Хорошо лежать в траве зеленой и впиваясь в призрачную гладь, чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный на себе усталом вспоминать.

- Лучше не вспоминать, а каждый день ловить его на себе. – Ряженко не ожидал, что вступит в спор с самим Сергеем Есениным.

Одновременно в его голове, рождающей новые идеи, как источник мыльных пузырей, появилась гениальная по простоте мысль - любовь не понимает призывов подождать за дверью, пока материальное благополучие не достигнет определенной точки. И кто определил эту точку?..

Август 2011года
г. Ростов-на-Дону